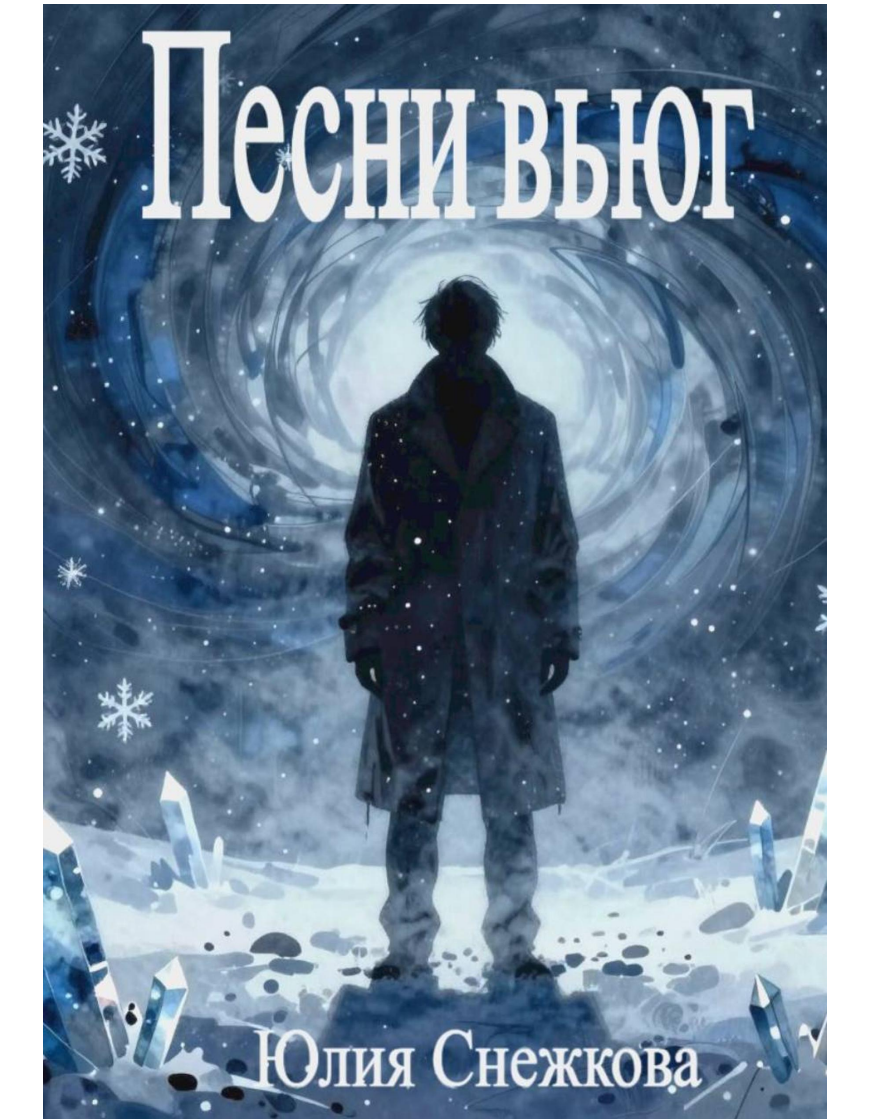

The background of the cover is a dark, swirling vortex of blue and white, resembling a snowstorm or a cosmic tunnel. A silhouette of a person in a long coat stands in the center, facing the viewer. The ground is covered in snow and ice, with several large, translucent ice crystals or shards scattered around. Small white snowflakes are falling or floating in the air. The overall mood is mysterious and wintry.

Песни вьюг

Юлия Снежкова

Юлия Снежкова

Песни вьюг

<https://litres.ru/74355099>

SelfPub; 2026

Аннотация

Холодные улицы 90х хранят не только бандитские разборки, но и древнюю тьму. Сержант Арбузов привык к жестокости, но три смерти со странной меткой — ледяной улыбкой — не укладываются ни в один протокол. Ведьма шепчет о проклятии, что уже пробуждалось.

Узнай, кто пришел в город вместе с зимой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юлия Снежкова

Песни вьюг

Глава 1

— Ухх, — только и смог выдавить из себя сержант милиции Арбузов, приземлившись у родного отделения на пятую точку.

— Что, товарищ сержант, не чистят? Живой? — усмехнулся стоящий на крыльце подполковник.

— Да в этом году в городе вообще чёрт-те что, — весело побормотал майор Самойлов, обращаясь к начальнику.

Подполковник кинул взгляд на силящегося подняться со льда Арбузова, повернулся и скрылся за тяжёлой металлической дверью. Следом за ним в тепло поспешил и майор.

Арбузов с трудом, но встал на ноги. Выдохнул клуб пара и посмотрел вверх. Хоровод снежинок тянуло к земле — лицо закололо.

Он поправил форменную серую шапку и побрёл к входу в отдел.

С ходу на него налетел гомон голосов. У зарешеченного окна бабушка с клюшкой что-то грозно высказывала дежурному, мимо него двое сотрудников протащили под руки пьяного мужика. Одет он был в коричневое пальто, с плеч сви-

сали, задорно искря на ходу, тонкие ленточки дождика.

Когда они проходили, до Арбузова донёлся знакомый мотив: «В лесу она росла...»

Сержант улыбнулся и поспешил в кабинет.

Помещение встретило его жаром от пылающих батарей и въевшимся в стены запахом папирос.

Его сосед, младший лейтенант Кириллов, стоял у распахнутой форточки и смотрел куда-то в подступающую темноту.

— Привет, Кирюх, — поздоровался Арбузов, бросая на вешалку куртку.

— Привет, угорим мы тут. Коммунальщики расстарались, — лейтенант бросил взгляд на чугунные батареи.

— Это всё лучше, чем как в прошлом году полтора месяца без отопления сидеть. ППСники уже хотели начать билеты продавать, такая очередь шла, чтобы с ними в патруль выйти.

Кирилл улыбнулся.

— А это ещё что такое? — спросил Арбузов, рассматривая неведомо откуда взявшиеся на его столе мандарины.

Два спелых фрукта венчали башню из папок с делами.

— Это привет от Соколовой. У неё сын с ёлки в садике грипп притащил. Теперь она до следующего вторника на больничном. А по этим материалам надо отказные до пятницы наваять. Короче, очень просила прикрыть и вроде извиняется.

— Извиняется она, как же. Могла бы в таком случае и отпуск в августе уступить, — пробормотал сержант, устраива-

ясь на стуле.

— Так, ладно, ты тут давай за старшего, а я пока за пирожками сгоняю. А то булочная сегодня вроде до восьми. Тебе взять? — Кирилл на ходу надевал свитер.

— Ага, два с луком. Если только с ливером будут — не надо.

— Ничего ты, Вован, в жизни не понимаешь, с ливером самый смак, — сказал младший лейтенант и скрылся за дверью.

— Понимал бы, тут не сидел, — сказал Арбузов в пустоту и со вздохом стал расшнуровывать верхнюю папку.

На улице зажглись редкие фонари. Ветер печально завывал, бросая в зарешеченное окно хлопья снега.

Арбузов оторвался от печатной машинки, чтобы налить себе чаю.

Он как раз засыпал заварку в маленький керамический чайник, когда в кабинет зашёл майор Хлопов.

— Так, Арбузов, один? — не дождавшись ответа, он продолжил: — Собирайся, пойдёшь в усиление.

— А что случилось?

— Не знаю, полчаса как из главка звонили, там все на ушах стоят.

Майор вышел. Арбузов положил крышку на чайничек. Раздался звон.

— Ну дела, как живой прям.

— А может, точно живой?

— Ага, а чего тогда тут эксперт делает, — комментировали стоявшие у подъезда ППСники работу мужчины с фотоаппаратом.

— Привет, Вить, Федь, — поздоровался с ними за руку Арбузов. — Чего тут у нас? Сколько народа нагнали.

И действительно, для буднего вечера двор обычной московской пятиэтажки был переполнен. Стояли две скорых. Их водители, о чём-то негромко беседуя, курили у одной из машин.

Арбузов насчитал аж три милицейские буханки. Вместе с ним подъехала чёрная «Волга». Из неё вышел представительного вида мужчина в коричневом кожаном пиджаке. Из окон на это представление глядели жители. Пенсионер бодрого вида в красном спортивном костюме и шапочке-петушке стоял у двери крайнего подъезда, пытаясь незаметно подойти ближе.

— Мужчина, ну не топчите здесь. Не видите, следственная группа работает, — сказал ему Фёдор.

— А я вижу. Я вообще давно говорил, что такой образ жизни его до добра не доведёт. Сплошные гулянки. Музыка на весь дом гремела. Вот как комсомола не стало, так молодёжь совсем распустилась. Весь стыд потеряли. Я в молодости...

Сержант не стал дослушивать, чем там в молодости вместо гулянок был занят дед, и пошёл к углу дома, где всё ещё что-то фотографировал криминалист.

Он сидел на асфальте, опершись спиной о кирпичную стену дома. Мальчишка лет двадцати, едва ли старше Арбузова. Одет был не по погоде, в модный вязаный свитер с американским орлом, джинсы и разношенные тапочки. В таком виде не выходят надолго в зимнюю стужу.

Странной была поза сидящего. Одна рука протянута вперёд. Будто напоследок он хотел что-то дать или забрать у того, кто принёс ему смерть.

Лицо расслабленно. Глаза полуприкрыты. Снег медленно опускался на тёмные волосы, но не таял.

Арбузов заворожённо вглядывался в бледное лицо.

— Первый раз? — спросил сержанта кто-то, стоявший за его спиной. Он обернулся.

За спиной стоял мужчина в кожаном пиджаке. Тот, что из «Волги». Лет пятидесяти, очень высокий, худой, он прятал озябшие руки в карманах. Из-под распахнутых пол пиджака выглядывала серая рубашка и синий галстук, явно повязанный впопыхах.

— Я уже полтора года служу... — начал Владимир.

— Хорошо. И чего думаешь? — спросил мужчина.

— Странно. Ни следов ударов не видно, ни борьбы. Не привычный разбой. И на этих, которые со шприцами, не похож.

— Непривычный, — протянул мужчина, хмыкнул, потом продолжил: — Как по званию?

— Сержант Арбузов, — он автоматически встал по стойке

смирно.

— Значит, вот чего, сержант Арбузов. Ты давай-ка быстренько свидетелей опроси. Вон они, — кивнул он в сторону, — протоколы допроса, чтоб с утра у дежурного на столе были.

Владимир кивнул, перевёл взгляд туда, куда показывал незнакомец, и замер.

— Света, ты чего здесь забыла? — громким шёпотом проговорил Арбузов, отводя упирающуюся девушку за машину скорой помощи.

— В библиотеку шла, — огрызнулась она и скинула его руку со своего плеча.

— Библиотеку? — ухмыльнулся он, переводя взгляд с лакированных сапог на высокой шпильке на мини-юбку и короткую синюю куртку.

— Дискотеку, — нехотя призналась она.

— Клуб у нас вроде по шоссе и выше? А во дворы ты за какими танцами потащилась? — спросил её Арбузов.

Света оглянулась, убедилась, что рядом никого нет, и негромко проговорила:

— Тут кто-то был.

— Конечно, был. Здесь жилой район кругом, не промзона.

— Арбузов, ты не понял. Из наших был. Я всполох через полквартила почувствовала. А потом меня будто магнитом потащило, — сказала она растерянно.

— Магнитом, говоришь... А видела, что тут произошло?

Ну, кто его так?

— Вов, я подошла, а он уже сидел. И вроде в сторону дороги две тени метнулись. Запах ещё такой пошёл, неприятный, резкий...

— Понятно, — резюмировал Арбузов.

— Володь, я такого в жизни не видела. Сейчас, конечно, дело к концу года идёт. Веселятся все, кто и закружить может. Но чтоб такой всполох. И зачем? На такого юнца силу тратить...

— Зачем — это уже следствию предстоит выяснить, — поделовому сказал сержант. — Так что давай теперь, Света, всё это под протокол. Только без всей этой своей волшебности.

— Арбузов, а может, ну её, твою бюрократию. Тем более меня Ритка у клуба уже полчаса как ждёт, — она ловко развернулась на каблуках и хотела уйти.

Сержант развернул её к себе и, придерживая за локоток, сказал:

— Донченко, у нас тут человека убили. Подождёт твоя Ритка. Так что давай, шпильки в зубы и в отделение. В дежурке возьмёшь листок и ручку. И всё напишешь. Как было. Только вот без этих там твоих теней и всполохов, — он посмотрел ей в глаза.

— Вот не были бы мы с тобой знакомы, Арбузов... Прокляла бы не задумываясь. Ладно, в формате одолжения. Только пусть меня твои орлы, — она указала на крутившихся у дерева ППСников, — отвезут. А то сегодня такой дубак.

Арбузов ещё раз придирчиво окинул взглядом наряд ведьмы.

Опрос других свидетелей особых результатов не дал. Возвращавшаяся со смены продавщица устало сообщила, что вроде видела издали двоих бегущих. Но ни вида, ни даже пола их не разглядела. Дед в спортивном костюме, оказывается, вообще вышел в момент, когда подъехала первая скорая.

Арбузов ещё немного покрутился у места происшествия. Санитарка уже увезла тело, криминалист упаковывал окурки в прозрачный пакет. Ничего более путного не придумав, он пошёл обратно в отдел.

Примерно через двадцать минут весь задубевший он вошёл в отдел. Вечерний участок притих, сменив дневное многолюдье на скрежет работающих на потолке ламп и редкие пьяные крики из камеры задержания.

У стойки дежурного стояла девушка в серой нейлоновой куртке и плакала.

Арбузов заспешил в свой кабинет.

— Вы не понимаете, за мной волки следили, — всхлипывая, она бормотала в окошко дежурному.

— Девушка, я всё понимаю... Сначала американцы следили, потом инопланетяне, теперь волки. Сейчас сотрудник подойдёт и заполните заявление.

Она комкала в руке белоснежный платок.

Навстречу сержанту вышел Кириллов. Коротко кивнув Арбузову на ходу, он пошёл к потерпевшей.

Сержант как раз дописал первый протокол опроса, когда коллега вернулся в их кабинет.

— Чего там у тебя? — устало спросил Кирилл.

— Труп. А у тебя? — поднял от машинки глаза Арбузов.

— Волки. Точнее, собаки бродячие. Стоя за ней пару кварталов шла, вот дамочка и расчувствовалась.

— Ну дела, — усмехнулся Владимир.

— Ага, но вроде успокоил. И ещё телефончик дала, — помахал он перед носом Арбузова клочком бумаги.

— А заявление?

— Обижаешь. Всё по уставу. Будем искать нарушителей. Чайник, кстати, горячий? — лейтенант загремел кружками.

На следующее утро оба милиционера сидели в кабинете начальника. Помещение казалось тесным: старый письменный стол с облупившимися углами, потёртый ковёр с геометрическим узором и окно, затянутое инеем. Кириллов устало тёр глаза — под ними залегли тёмные круги. Арбузову всё никак не удавалось расписать ручку: он нервно щёлкал колпачком, а чернила упорно отказывались идти.

— Ну что, товарищи, пришла беда — открывай УПК, — привычно бросил майор Хлопов и уставился на подчинённых красными глазами.

— Сан Саныч, а при чём здесь уголовно-процессуальный кодекс? — ошарашенно посмотрел на него Кирилл.

— При том, Кириллов, что криминальная обстановка на районе ни к чёрту. А ещё Новый год на носу, ожидаются мас-

совые мероприятия, гуляния, толпы народу. А у нас труп и ноль свидетелей. Верно излагаю, Арбузов? — майор сжал кулаки.

— Так точно, — вздохнул сержант.

— А самое печальное, что у погибшего весьма непростые родители.

Он указал глазами наверх.

Кириллов и Арбузов синхронно посмотрели на потолок, затем переглянулись.

— Что-то там с дипломатами. Но, на наше счастье, с африканскими дипломатами. Поэтому у нас есть пять дней до приезда в город опечаленных родственников, которым мы с вами должны сообщить стройную версию, отчего их дорогой сыночек в стену вмёрз, — глухо проговорил майор.

— В смысле вмёрз? — удивился Арбузов.

— Эксперты сказали, что причина смерти: остановка сердца, развившаяся на фоне тяжёлого общего переохлаждения с поражением внутренних органов, — Хлопов постучал указательным пальцем по бумагам, разложенным перед ним на столе.

— Так зима же, Сан Саныч. Вышел, стало плохо, упал, замёрз, — осторожно проговорил Кириллов.

— Согласно показаниям свидетелей, на улице он провёл не больше десяти минут, — отчеканил майор. Затем тяжело вздохнул и потянулся к пачке сигарет, но тут же одёрнул себя.

— Значит, так, — твёрдо произнёс он. — У нас пять дней. Арбузов — на тебе опрос знакомых. У них там вроде вечеринка была. Кириллов — трясى экспертов, чтобы токсикология у меня на столе до вечера лежала.

Сидя на колченогой табуретке, Арбузов смотрел на трысущуюся в рыданиях девушку. Плечи, скрытые под чёрным платком, подрагивали. Лицо она закрыла ладонями. Длинные русые пряди волос сотрясались.

Сержант кашлянул и, кажется, в сотый раз оглядел кухню студенческого общежития. Обе стены завешены прилегающими друг к другу разномастными шкафчиками. Из примечательного — на каждый свой навесной замок. Посередине комнаты два длинных сдвинутых друг к другу стола. За одним из них и расположились Арбузов и девушка погибшего.

Справа электроплита. Все четыре конфорки были заняты. На трёх расположились сковородки, на четвёртой в маленькой чёрной кастрюльке что-то неаппетитно булькало. Арбузов скользнул взглядом по развешенным на леске колготкам и тихо спросил:

— Нина, постарайтесь сосредоточиться. Я знаю, что вы давали показания вчера. Но надо вспомнить, может, Эдик что-то говорил перед тем, как вышел из квартиры?

Девушка подняла голову и посмотрела красными от плача глазами.

— Я не знаю, — пробормотала, заикаясь, она.

— Так, тихо-тихо, давайте по порядку. С самого начала.

Нина прикусила губу и посмотрела в сторону большого окна.

— Мы перед сессией собрались. Как всегда. У Пашки Иващенко как раз родители в командировку свалили. Они у него часто в разъездах.

— Ага, — Арбузов делал короткие пометки в блокноте.

— Мы с Эдиком в половину девятого подошли. Там уже почти вся компания на месте была. Всё, как обычно. Музыку слушали, боевик на видике кто-то включил. Около десяти я с кухни ушла, смотрю, а Эдик на балконе стоит и вниз смотрит. Вроде как высматривает кого.

— А по времени вы уверены? — внимательно посмотрел на неё сержант.

— Да, у Пашки такие часы круглые, золотые с петушком. Они прямо на выходе из кухни висят, — она расправила лежащий перед ней белый носовой платок.

— Продолжайте.

— Эдик вниз всё смотрел. Я хотела дверь балконную открыть, а он сам вышел. Увидел меня, поцеловал, — она задрожала, сдерживая подступающий плач, — и выбежал из квартиры.

— И ничего не сказал?

— Бросил только, что сейчас вернётся. Он же даже в тапочках убежал, — она закрыла глаза, по щеке заструилась слеза.

— Нин, вы что-то странное в последнее время замечали

за ним?

Девушка вопросительно взглянула на милиционера.

— Может, знакомые какие новые, планы там. Поведение изменилось?

— Ничего такого, всё, как всегда. Хотел сессию сдать, на дачу в Подмоскovie к знакомым собирался. Они часто туда ездили. Там лыжная трасса в лесу. Вроде на работу хотел устраиваться после праздников.

— А куда?

— Фирма одна, что-то с торговлей связано. Он мне говорил, — Нина нахмурилась, вспоминая, — но я не поняла.

— Ему никто не мог угрожать? — сержант прочертил в блокноте линию.

— Нет. В группе его все любили. Завидовали, конечно. Ну, из-за родителей, но по-доброму. Типа, вот парню повезло.. — Нина всхлипнула.

— А с кем-то в группе он ещё особо хорошо общался?

Девушка вскинула брови.

— Друзья были?

— Толик Смехов. И Юра Коновалов. Но с Юрой они как-то осенью отделились, реже стали видаться.

— Где бы мне с ними увидеться?

— У нас завтра экзамен... Вот они там. А Эдика... хоронить будут, — зашлась она плачем.

Майор поджал губы и смотрел, как ручейки слёз полились по девичьим щекам.

— Товарищ милиционер, — заглянула в комнату комендант общежития, женщина лет шестидесяти с по-учительски ровным пробором на седых волосах.

— Да, — отозвался Арбузов и с облегчением перевёл взгляд.

— Вас там к телефону. Говорят, что-то срочное, — она поплотнее запахнула серую вязаную кофту.

— Иду. Это мне куда?

— На первом этаже, где окошко дежурной.

— Ниночка, девочка, ну что же ты, — пошла она к девушке, на ходу разводя руки.

Сержант поспешил удалиться.

Глава 2

Из открытой двери железного ларька виднелись две ноги, обутые в дутые китайские сапоги.

— Давно обнаружили? — спросил у ППСника Фёдора Арбузов.

— Не более получаса. Мужик из соседнего дома за сигаретами выбежал. Подошёл, в окошко постучал — закрыто. Он ларёк обошёл, говорит, что местные знают, что Людмила, — он кивнул на распростёршуюся на грязном полу ларька женщину, — может и прикорнуть. А тут вот..

Сержант изучающе посмотрел на лежащую. Из-под дутиков выглядывали чёрные тёплые колготки, юбка до середины колена, сверху ещё одна. Розовый свитер крупной вязки в катышках. Накрашенные яркой красной помадой губы, взбитая чёлка.

— Она рухнула, как стояла, что ли? Вон под затылком кровь натекла, — указал он на тёмную лужицу.

— Да не, это не кровь. Это газировка протекла, — криво ухмыльнулся Фёдор.

Арбузов проследил за его взглядом — падая, женщина зацепила коробку. Из открытой банки медленно вытекала тёмная река, просачиваясь под волосами.

— Я вот только не пойму, — протянул ППСник.

— Чего? — спросил Арбузов, еле оторвав взгляд от ру-

чейка газировки, убежавшего куда-то в глубь ларька.

— Чего она так лыбится. Ну знаешь, как детсадовец, когда ему Дед Мороз подарок за стишок выдаёт.

Арбузов ещё раз изучил лицо погибшей. Лицо, словно застывшая ледяная маска. Глаза были полуприкрыты, но улыбка. С такой улыбкой дети обычно тянутся за воздушным шариком.

— Ну что, орлы, есть чем порадовать? — раздалось у них за спинами.

Арбузов обернулся. Мужчина в кожаном пиджаке выжидательно посмотрел на него.

— Здравствуйте, товарищ... эээ...

— Товарищ полковник. Трофимов Сергей Петрович. Так есть что сказать по факту убийства?

— Погибшая Людмила Осипова. Сорок три года. Раньше на заводе ремонтном работала. Последние два года вот тут, в ларьке. Не замужем, детей нет. Соседи говорят, что есть сожитель. С этим сейчас работаем, — отрапортовал сержант.

Трофимов зашёл в ларек, опустился рядом с телом. Арбузову показалось, что полковник принялась.

— И всё-таки, сержант, — обернулся Трофимов к стоявшим, — чего думаешь?

— Эээ.. Разбой. Но только не похоже, деньги, вон, в кассе торчат. Значит, бытовуха. Плюс она его знала.

— Почему так думаешь? — прищурился полковник.

— Она его в ларек пустила сама. Вон чашка с чаем стоит и

пакет с бутербродами, — Арбузов кивнул на нехитрый обед, разместившийся на маленьком столике.

— Значит, открыла сама.. — протянул Сергей Петрович.

— Ну, я так думаю. Дверь железная, без лишнего шума не открыть. Тем более день на дворе. Если бы ломали, то кто-нибудь бы нам позвонил, — продолжил Арбузов.

— Это точно. Тут район старый, все друг друга знают, — вставил ППСник.

— Чего по свидетелям? — спросил Трофимов, выходя из ларька.

— Только обнаруживший тело. Мужик со смены пришёл, вышел за сигаретами. А так — поквартирный опрос проводим.

— Активнее. И домой к ней заехать надо. Сержант, займись. Опроси соседей, сожителя этого найдите. Вечером в отделении доложите лично.

— Есть, — отдал честь Арбузов и поспешил к припаркованному рядом милицейскому уазику.

Сержант с ППСником поднялись на четвёртый этаж. Долго звонили, затем стучали в обитую красным дерматином дверь.

— Чего шумите? Люди спят! — деревянная дверь справа отворилась на длину цепочки, и из неё показалась древняя бабка.

— Здравствуйте. Милиция. Не подскажите, где ваши соседи? — Арбузов заглянул в щель.

Бабка потянула дверь на себя. Между ней и полицейскими остался лишь узенький просвет.

— Допрыгалась Людка. Я так и знала, — донеслось оттуда.

— В смысле? — спросил Фёдор.

— Да бестолковая девка. И хахаля себе такого же нашла. Предпоследний ещё ничего такой был. Даже здоровался. А этот — либо пьёт, либо бьёт, — бабка в сердцах сплюнула куда-то в темноту квартиры.

— Прямо бьёт? — протянул Арбузов.

— Ну уж не каждый день. Но как zenки зальёт, так давай скандалы разводить. Так и орут, что весь дом слышит. Ни стыда, ни совести.

— И когда в последний раз скандалили? — спросил Арбузов, облокотившись на дверь.

— Когда? Да вчера вечером. Часов с девяти и до полуночи точно. И управы на них нет. Сколько раз милицию вызывали, так не едет никто, — запричитала старушка.

— А хахаль её работает или как? — Фёдор вытянул шею, чтобы посмотреть в прогал.

— Или как. Вроде в гастрономе ближайшем грузчиком. Но это когда не пьёт, — ответили из-за цепочки.

— Спасибо, вы нам очень помогли. Доброго дня, — бросил Арбузов на ходу, спускаясь по лестнице.

Опрос заведующей гастрономом ничего не дал. Анатолий Червонцев, так звали сожителя покойной Людмилы, на ра-

боте не появлялся уже два дня. Он и до этого уходил в загулы. Но на это смотрели сквозь пальцы — особо желающих на копеечную зарплату работать не находилось.

Арбузов, наскоро попрощавшись с Фёдором, отправился к криминалистам. Филиппенко он застал распаковывающим свой чемодан.

— О, Владимир, проходите. Давненько вы к нам не заглядывали, — коренастый мужчина жестом пригласил его зайти в полутемную комнатку.

— Дмитрий Саныч, здравствуйте. Да всё как-то не было повода, — Арбузов поплотнее прикрыл за собой дверь.

Филиппенко согласно кивнул и поставил крохотную бутылочку к десятку аналогичных, разместившихся на столе.

— Присаживайтесь, чего зря ноги топтать.

Сержант поспешил присесть на обитый потёртым дерматином стул.

— Знаю, на ушах стоит всё управление, — криминалист вытащил из чемоданчика лупу и близоруко взгляделся в стекло.

— Это точно. Шуму оба случая наделали много, — Арбузов глянул на прикреплённый на стену напротив плакат о диаметре ран от разного вида оружия.

— К сожалению, порадовать вас мне особо нечем. Сами протоколы по первому потерпевшему видели. Ни следов борьбы, ни повреждений.словно он сам без принуждения уселся на землю и умер от переохлаждения.

— А по сегодняшней женщине что? — с надеждой спросил сержант.

— Буквально то же самое. Конечно, надо ещё дожидаться токсикологии. Но ран или иного воздействия я не увидел. Странно это всё, конечно, — криминалист устало потер пеленосицу.

— Вы такое вообще раньше видели?

Филипенко посмотрел на него, потом зачем-то повернулся к дверям.

— Я за свою жизнь много что видел, молодой человек. Почти пятьдесят лет отдал советской криминалистике.. И часть случаев, действительно, сложно объяснить привычными нам рамками, — мужчина замолчал.

Арбузов видел, как Филипенко собирается с мыслями, поэтому ждал.

— В моей практике похоже не было. Но вот учитель мой, покойный профессор Заславский, о чём-то таком упоминал. Скорее, как байку или интересный пример, — Филипенко прищурился, глядя в сторону.

— О чём?

Криминалист лишь махнул рукой:

— Нет, вздор.

Арбузов нервно поерзал на стуле.

— Дмитрий Саныч, но может, вспомните? Сами знаете, что иногда новая деталь переворачивает ход следствия.

— Да какая там деталь. Он говорил, что вроде после вой-

ны у нас стали появляться обмороженные трупы. Также зимой. Причём с обморожениями довольно специфическими. Не криминального характера. Но тогда такие времена были — разгул банд, шпионов ловили. Короче, было не до вмерзшего в сугроб мужика.

— В архиве что-то осталось?

— Владимир, да какой архив. Вряд ли там вообще эти случаи в сводку попадали.

Арбузов достал из кармана крохотный блокнот с прикреплённым к нему огрызком карандаша. Вывел на бумаге: «Заславский».

— Года, о которых профессор говорил, примерно вспомните?

Криминалист нахмурился.

— С сорок шестого по сорок восьмой где-то.

Сержант сделал ещё одну отметку в блокноте и поднялся. Криминалист стоял задумавшись. Когда Арбузов проходил мимо, он словно вырвался из глубокого сна.

— Владимир, а вдруг?.. Я просто вспомнил их лица.. Ладно, не забивайте голову байками старика. Отчёт у вас завтра с утра на столе будет.

Сержант кивнул, оставив криминалиста в кабинете одного.

Кабинет встретил Арбузова уже привычным жаром. Кириллов сидел за столом и жевал плюшку.

— Что, второй висяк за сутки? — поинтересовался лей-

тенант у коллеги.

— Пока не знаю, — Арбузов повесил куртку на вешалку и пошёл к чайнику.

— Тут Хлопов разве что не на ушах стоит. Мужик ещё какой-то из главка бегаёт. Полный дурдом. Мало нам своих проблем перед праздниками, — Кириллов впился зубами в плюшку.

— Высокий мужик? В коричневом кожаном пиджаке?

Кириллов утвердительно промычал.

— Плохи наши дела, ага, — пробормотал Арбузов, высыпая в заварник остатки чёрного чая.

Через два часа оба милиционера сидели в кабинете начальника. Майор Хлопов представил стоявшего у стены.

— Это полковник Трофимов Сергей Петрович. Расследование по обоим убийствам будет возглавлять он. Прошу оказывать всестороннее содействие... — майор выдержал паузу.

— Рад приветствовать. Надеюсь, что сработаемся, — сказал Сергей Петрович, подвигая стул к столу.

— Сергей Петрович сейчас нас всех введёт в курс дела, — майор покосился на Трофимова.

— Итак. Что имеем. За два дня два трупа. Студент Эдуард Невьянский, девятнадцать лет. Найден мёртвым на улице. Вышел из квартиры друга, в которой проходила вечеринка. Вторая жертва — Людмила Осипова. Сорок три года. Продащица ларька. В обоих случаях свидетелей нет. Явные повреждения на телах отсутствуют...

— Сергей Петрович, — негромко спросил Кириллов, — а почему вы думаете, что эти убийства вообще связаны? Одно ночью, вторую грохнули днём. Они не знакомы. Да и где. Один сын богатеньких родителей, вторая в ларьке торговала.

Трофимов изучающе посмотрел на лейтенанта.

— В обоих случаях жертвы замёрзли.

— Как? — удивился Арбузов. — В ларьке же у неё тепло было, радиатор работал, я сам его видел.

— Это нам бы и выяснить. А ещё лучше — найти того, кто это делает.

Полковник ещё раз оглядел коллег, почесал затылок и произнес:

— Ну давайте, рабочие версии.

— Что-то по части заморозки? Газ? — предложил Кириллов. — Или укол?

— На телах экспертами следов инъекций не обнаружено, — возразил Трофимов, проглядывая разложенные на столе бумаги.

— Но в отчёте написано, что температура тканей значительно ниже окружающей среды. Признаков обычного переохлаждения не выявлено.

— Получается, всё-таки газ. Или какой-то препарат. Сейчас хватает всякой химии, — размышлял вслух Кириллов. — Но это молодёжь всё-таки балуется. Продавщице ларька-то куда?

— У неё сожитель не слишком благополучный. Может,

сам употребляет и её втянул, — Хлопов задумчиво постучал пальцами по столешнице.

— Получается, кого-то из ближнего круга ищем. Кто мог к обоим подойти. И невеста Невьянского сказала, что он убежал из квартиры, увидев кого-то во дворе, — проговорил Арбузов, вспоминая.

— Получается, что так. Значит, ищем всех, кто хоть как-то мог общаться с обоими жертвами. И этого Червонцева в розыск объявите.

— Уже, — отрапортовал Кириллов.

Арбузов толкнул тяжёлую дверь университета и шагнул прямо в лужу. Тёмная, грязная вода колыхнулась и обдала форменные брюки.

— Кудой? — раздалось из-за стола, стоящего у входа.

Вопрошал древний дед, одетый в чёрную фуфайку.

— День добрый, милиция. Где у вас тут деканат?

Дед подслеповато сощурился. Потом мотнул головой в сторону лестницы.

— Прямо, второй этаж.

Сержант поднялся, побродил по притихшему коридору, оглядывая таблички на дверях. Постучал в третью слева.

— Войдите, — разрешил женский голос.

В деканате две женщины сидели за столом и пили что-то из фарфоровых чашек. На вошедшего Арбузова обе уставились с большим интересом.

— Здравствуйте. Мне бы с вашим студентом поговорить..

Третий курс..

Арбузов машинально поправил шапку.

— Чего они там опять? — захихикала та, что была помо-
ложе.

С фотографии из личного дела Юрия Коновалова на сер-
жанта Арбузова смотрел скуластый брюнет. Взгляд серьёз-
ный. Непослушные тёмные волосы вились завитками, но
скорее придавали вид трагический, чем гротескный.

— Триста вторая группа, — вода наманикюренным паль-
чиком по журналу, сказала та, что засмеялась при виде ми-
лиционера.

Женщина повернулась к Арбузову, тяжёлые серьги покач-
нулись. — У них как раз экзамен сейчас. Он вроде допущен,
так что должен быть в пятьсот пятой аудитории.

— Спасибо, Ольга Михайловна.

— Можно просто Ольга, — она состроила глазки сержан-
ту, чуть склонила голову, позволяя локону упасть на лицо, а
потом небрежно откинула его назад.

Арбузов улыбнулся и вышел из кабинета.

При виде милиционера студенты толпой сбились в кучу у
окна. Арбузов взглядом поискал Коновалова. Не найдя, сел
на стул перед дверью кабинета, из-за которой доносилось мо-
нотонное бормотание.

Минут через десять она открылась, и из аудитории вышел
Юрий. Уперев взгляд в пол, зашагал к выходу.

Арбузов вскочил и крикнул удаляющемуся студенту:

— Юрий Коновалов.

— Да, — будто очнулся ото сна молодой человек.

— Юрий, здравствуйте. Сержант Арбузов, милиция. Мы можем с вами поговорить?

Коновалов бросил испуганный взгляд на притихших в углу одноклассников. Пара человек, до этого внимательно наблюдавших за сценой, демонстративно уткнулись в учебники.

— Ээээ.. Наверное, да. Пойдёмте, тут рядом кабинет открытый.

— Пойдёмте, ага.

Они зашли в соседнюю аудиторию. Помещение пахло мелом, старой краской и чем-то затхлым.

Сержант сел на жёсткую деревянную скамейку — она скрипнула под его весом. Юрий устроился на низком подоконнике, подтянув одно колено к груди. Студент кусал губы и нервно теребил край джинсов.

— Сложный день? — спросил Арбузов.

В ту же секунду в окно за Коноваловым ударил порыв ветра. Через незаклеенные деревянные рамы в аудиторию проник морозный воздух, и по полу потянуло сквозняком. В углу щёлкнула старая батарея.

Студент молчал.

— Ты, наверное, догадываешься, зачем я пришёл?

— Об Эдике поговорить хотите, — студент искоса посмотрел на сержанта.

— Да, вы же друзьями были, — осторожно проговорил Арбузов.

Коновалов посмотрел вверх, будто что-то вспоминая.

— Были, ага.

— А что случилось?

— Это... личное. Не поняли друг друга.

— Юр, — Арбузов положил руки на исписанный стол, — мне сейчас любая зацепка важна.

Ещё один порыв ветра. Рама за спиной студента жалобно заскрипела.

— А мне-то что? — нахмурился Коновалов. И с вызовом уставился на сержанта.

— Твоего друга убили. Мы ищем преступника. И либо ты мне сейчас расскажешь, что там у вас творилось сам, либо придёшь по повестке. Вряд ли в университете обрадуются такому интересу к тебе. Или всегда можно устроить обыск дома?

Студент помассировал висок и начал рассказ:

— В общем. У меня довольно религиозная семья. Раньше это скрывали. А сейчас, ну когда можно стало... Отец крестился. Эдик у нас дома бывал. Мы с первого курса дружили. Он всё видел: иконы, книги. Знал, как мать с отцом к этому относятся, что у них на этот счёт строго.

Парень взглянул наверх, будто собираясь с духом.

— Подставил он меня.

— Как? — сержант нахмурился и машинально потянулся

к блокноту, но не стал доставать.

— Где-то в конце октября он изменился. Говорить о странных вещах стал. Не на публику, конечно. Для группы все, как обычно, — парень кивнул в сторону закрытой входной двери, — а для своих. Чего-то о преображении или прозрении. О ликах каких-то. Всякая магическая чепуха. Вроде даже ездил куда-то.

— Куда? — напряжённо пробормотал Арбузов.

— Я не знаю, — скривился студент. — Но он точно с кем-то встречался. Потому что книга написана не его почерком.

— Что за книга?

— В ноябре мы сидели у меня. И его опять понесло. Завёл про тоску, про усталость... Это с его-то родителями. Про то, что мир серый. Но он теперь знает, куда ему идти. Мы поругались. Я сказал, что он просто зажрался, а у людей проблем куча. Он посмеялся надо мной. Стал собираться. И на выходе бросил фразу — что мне тоже надо прозреть. И он мне ориентир дал. Я тогда внимания не придал. А потом отец у меня книгу нашёл. Но она не моя.

Арбузов следил, как парень говорит. Словно исповедует-ся.

— Они обычно в мою комнату не заходят. Тем более по вещам не лазят. Но здесь вроде отцу понадобилось что-то. Он шкаф открыл. А там она. Не книга даже. Так, тонкая пачка, листов двадцать рукописного текста. Дурь какая-то, типа заклинания. Про встречу с чернотой... Про призывы. Я да-

же не понял до конца. Родители крепко со мной поругались. Отец до сих пор сторонится.

— И ты думаешь, что это Эдик?

— Да, больше некому. Батя книгу нашёл через два дня после того, как мы с ним поссорились. Я Эдика потом выловил в универе, хотел поговорить. А он только ухмыльнулся.

— А где сейчас эта книга?

— Отец вроде сжёг её.

— Ты знаешь, с кем Эдик мог связаться? Он какие-то имена упоминал?

— Нет, только в общих словах. Что ориентир... Нет, как он сказал... Что ему прозреть дадут скоро.

— Когда это было?

— Я точно не помню. Снег только выпал, — парень поморщился.

Коновалов встал с подоконника, внимательно посмотрел на Арбузова и серьёзно проговорил:

— Я не знаю, с кем он связался. Но это его изменило и душу сожрало.

И быстрым шагом покинул аудиторию.

Поздним вечером того же дня сержант вместе с Кирилловым стояли у чёрной иномарки.

— Поздравляю, Вован, у нас за три дня третья Снегурочка, — сказал лейтенант, заглядывая в салон через открытую водительскую дверь. — Считай, что собрали бинго.

— Угу, — хмуро протянул Арбузов.

Глава 3

Кириллов отступил, и луна осветила того, кто сидел в салоне. Ледяная корка покрывала мужчину лет тридцати в чёрной короткой куртке. Бритый почти под ноль. На лице россыпь шрамов. Он смотрел на милиционеров с улыбкой.

— У нас теперь полный набор: студент, продавщица из ларька и Шатун. Он, кстати, когда в последний раз освобождился? — спросил сержант подошедшего ППСника.

Фёдор подошёл, оставляя на снегу чёткие следы, и плотнее натянул шапку.

— Вроде осенью. Октябрь или ноябрь. В картотеке глянуть надо, там точно будет.

— Глянь завтра с утра, — коротко бросил Арбузов и снова посмотрел на мёртвого Шатуна.

Тёмная тень заплясала под фонарём. Арбузов нахмурился. Бросил коллегам: «Я сейчас» — и пошёл в сторону тени.

— Света, если ты и сейчас совершенно случайно на дискотеку здесь шла, я тебя до утра в КПЗ промариную, — он посмотрел в глаза ведьме.

Она моргнула густо накрашенными ресницами.

— Арбузов, миленький, в районе что-то нечисто... — неуверенно начала она.

— А то я не заметил, — кивнул сержант в сторону машины.

— Ты не понимаешь. Здесь не твой криминал. Тут хуже. Домовые ощерились, будто оборону от кого держат. Черти в парке перестали пьяных кружить.

Арбузов выдохнул облачко пара и на секунду замер, прислушиваясь не к словам, а к тишине вокруг.

— Только вот твоих чертей, Светлана, мне и не хватает сейчас. Есть что по делу сказать?

Светлана натянула капюшон куртки. Из-под пушистой опушки донеслось:

— Я поспрашивала. Короче, было такое.

— Какое? — устало проговорил Арбузов.

— Вот то, что творится сейчас. Было уже.

— Когда?

— Вроде перед революцией, — она сунула руки в карманы.

Арбузов поднял голову и посмотрел на Луну.

— Донченко, я очень рад, что у тебя есть время проводить исторические параллели. Но у меня три трупа.

— Как три? — тревожно донеслось из-под капюшона.

— Так. И подозреваемых на всех трёх примерно ноль. Поэтому если тебе нечего сообщить следствию, то шла бы ты домой. А то в своей короткой юбчонке отморозишь чего.

Арбузов резко развернулся и пошёл в сторону ближайшего подъезда.

Поквартирный обход на двух этажах не принёс успеха. Жильцы отвечали однообразно: кто через цепочку, а боль-

шинство прямо через приоткрытую дверь. Выходило, что ничего подозрительного в последние два часа не видели. Кто-то зевал, кто-то поправлял халат, кто-то, не скрывая раздражения, поглядывал на часы.

На третьем этаже дверь открыла женщина в синем махровом халате.

Она сонно потёрла глаза и на мгновение замерла, прислушиваясь к тишине квартиры. Потом обернулась куда-то назад, в темноту коридора, где угадывались очертания мебели и тёплый свет ночника. Жестом, немного неуверенным, пригласила милиционеров зайти.

— Я сама ничего не видела. А вот Пашка меня минут сорок назад разбудил. Он сейчас в садик не ходит, совсем режим сбился. Ночью сидит, в машинки играет или в окно смотрит. Он забежал, а я спросонья не пойму ничего.

Скрипнула дверь. На пороге стоял заспанный мальчик лет четырёх. Он переминался с ноги на ногу, теребя край пижамы с выцветшими машинками.

— Павлуша, не бойся, подойди сюда, — ласково позвала она.

Мальчик, держась за стену, подошёл к ней. Спрятался, выглядывая из-за халата.

— Павлуш, — женщина потрепала его по волосам, — расскажи дяденькам милиционерам, что ты мне сказал.

Мальчик промолчал, упёршись взглядом в пол.

Арбузов присел.

— Привет. Тебя же Паша зовут? — спросил он медленно, заглядывая ребёнку в лицо.

Мальчик кивнул.

— Нам мама твоя сказала, что ты что-то видел во дворе. Ты видел?

Снова кивок.

— Паш... кто там был?

— Дядя... Бибика, — подумав мгновение, тихо произнёс мальчик.

— Бибика была. А дядя один был?

Паша снова кивнул.

— Совсем один? — медленно проговорил сержант.

Секундная заминка повисла в воздухе.

Мальчик вдруг резко развернулся и скрылся за дверью комнаты, оставив после себя только лёгкий шорох шагов и ощущение внезапной пустоты.

Женщина пожала плечами.

— Спасибо, вы нам очень помогли...

Дверь комнаты распахнулась. Павлик бежал к ним, сжимая что-то в руке. Добежав до сержанта, он осторожно, словно сокровище, передал ему кубик с наклеенными героями мультфильмов. Края наклеек чуть отклеились, и уголок бумаги мягко загибался.

Арбузов повертел кубик в руках.

— Павлуш, ты принёс его, чтобы нам что-то показать? — спросила мама.

Мальчик кивнул и указал пальчиком на одну из граней.

— Вольк.. Там вольк.

С кубика на милиционеров с прищуром смотрел волк из мультфильма.

— Спасибо, мы теперь всех волков тут поймаем, — сержант устало улыбнулся мальчишке.

Они попрощались с женщиной и вышли в подъезд.

— Ты, как знаешь, Вова, — Кириллов через окно посмотрел на суетящихся у машины экспертов, — а я домой, спать.

— А где Трофимов? — Арбузов высматривал через ночную тьму коричневый пиджак.

— Не знаю, на другом выезде. Он мне не докладывает. Да и нам ему пока кроме сказки про серого волчка поведать не о чем, — Кириллов зевнул. — Поэтому советую и тебе поехать домой баиньки. Пальчики с машины только завтра с утра готовы будут.

Они молча стали спускаться по тёмной лестнице.

С утра, когда Арбузов брился в ванной, в дверь постучали.

— Долго ещё? Людям тоже на работу надо, — донёсся раздражённый мужской голос.

— Иду, — ответил сержант, брызнул водой по непослушным тёмно-русые волосам, промокнул их полотенцем и мельком глянул в запотевшее зеркало. Под глазами залегли тени, а щетина, едва сбритая, уже снова проступала тёмной полосой. Он провёл ладонью по щеке, проверяя, не пропустил ли где, и машинально потрогал старый шрам у виска.

Уже в форме он зашёл на кухню. Пахло луком, подгоревшим маслом и крепким чаем. Тем самым, что Марья Дмитриевна заваривала по утрам в большом эмалированном чайнике.

— Опять вчера поздно пришёл? — отвлёкшись от резки лука, спросила его пожилая женщина.

— Доброе утро, Марья Дмитриевна. Всё-то вы знаете, — Арбузов чиркнул спичкой, на плите заплясал огонёк газа.

— Коммуналка. Как здесь не знать. Я слышала, как ты вчера в ночи дверью скрипел, — засмеялась грохочущим смехом она. Вытерла руки о замызганный серый фартук, на котором и не разглядеть уже вышитый узор, и снова взялась за нож.

— Служба такая, — сержант нашарил в навесном шкафчике свою кружку.

— Работа важная. Ты только поосторожнее там. Парень ты больно хороший. А такие первыми попадают.

Радио в углу зашипело, словно пробуждаясь от тяжёлого сна, и сквозь треск помех донеслось официальное объявление, что в столице восемь утра.

— Чёрт, — выругался сержант, глуша газ. — Опять опоздал.

Он выбежал из кухни, на ходу застёгивая китель, и уже у самой двери на секунду задержался, поймав на себе спокойный, чуть грустный взгляд Марьи Дмитриевны.

Когда из темноты переулка выступили двое — коротко

бритые, в одинаковых чёрных куртках, — рука сержанта инстинктивно потянулась к кобуре.

— Не дрейфь, служивый, с тобой просто поговорить хотят, — проговорил один из незнакомцев, ухмыльнувшись.

Из припаркованного у выезда из арки «шестисотого» вышел мужчина в годах. Одет он был не по погоде легко — чёрный свитер крупной вязки, серые брюки и лакированные туфли.

— Здравствуйте, сержант Арбузов, не так ли? — почти ласково проговорил он.

— Добрый день, — милиционер посмотрел, как те двое почтительно расступились, пропустив подошедшего вперёд.

— События вынуждают познакомиться с вами в этой, — мужчина театральным жестом обвёл изрисованные граффити стены, — обстановке. Но если я в гости к вам, то, увы, братва не поймёт.

— С кем разговариваю? — уточнил сержант.

— Святослав Осипович, — представился визитёр.

— И чем обязан? — не меняя тональности, коротко осведомился Арбузов.

— Вчера бойца моего завалили. Шатуна. И мне бы хотелось посмотреть в глаза той падали.. — из его голоса пропали прежние нотки учтивости.

Морозный порыв ветра бросил в арку комок снега. Арбузов проследил, как снежинки, осыпаясь, таяли на ботинках его нового знакомого.

— А я здесь при чём? — сержант посмотрел в голубые, скрытые под кустистыми бровями глаза.

— Ты ж у нас милиция, — бросил из-за спины Святослава Осиповича один из бандитов, за что немедленно получил тычок от второго.

— Если я правильно понял, то вы имеете отношение к расследованию, сержант. И мне бы хотелось, чтобы тот, кто решил, что ему позволено на моём районе хозяйничать, сначала поговорил со мной. Короткая беседа — ничего более.

— А потом после неё мы ещё один труп сможем оформлять? — скривился Арбузов.

— Почему же? Я абсолютно не кровожаден. Вам будет, кому предъявить обвинение, — он засунул руки в карманы брюк.

— Давайте сформулируем так. Если ваши, как вы выразились, бойцы что-то подозрительное увидят, то пусть дают знать. И если ваша информация окажется важной, то при задержании я постараюсь организовать эту встречу, — проговорил после секундного молчания сержант.

— Приятно иметь дело с деловым человеком. Хорошо. До встречи.

Святослав Осипович развернулся и зашагал к машине.

— Слышали, что главный сказал, так что ушки на макушке. И если на районе странности пойдут, то сразу ко мне.

Тот бритый, что раньше получил тычок, пошёл на милиционера:

— Ты за кого, серый, нас держишь, а?

Его товарищ коротко оглянулся. Убедившись, что «шестисотый» ещё на месте, он придержал напарника за плечо:

— Короче, шестерить не будем, но за районом присмотрим. Но и ты запомни, чего обещал. А то неприятная выйдет ситуация.

Арбузов сглотнул, но постарался сохранить голос спокойным:

— На память не жалуюсь. И ещё: этот ваш Шатун в последнее время какой был? Может, в поведении поменялось чего? Новые знакомые?

— Да фиг его знает, к нему в душу особо никто и не лез. Не принято, — пообещавший присмотреть за районом сплюнул под ноги, — но если подумать, то мороженный он какой-то стал.

— В каком смысле?

— Раньше с братвой всё по баням ходил, а сейчас по делам коротко порешает и валит. А ещё с книжкой какой-то везде таскаться стал.

— Что за книга? — напрягся сержант.

«Шестисотый» вдарил по газам и скрылся во дворах.

— Да хрен его знает. У него там свои дела. Я не спрашивал.

— Понятно, — сухо пробормотал Арбузов.

— Ладно, бывай.

Оба бандита скрылись в полумраке арки в той стороне,

куда уехала машина.

Сержант ещё пару минут молча наблюдал, как метель кружит снежинки и их безумный хоровод оседает у стен домов. Затем поднял воротник милицейской куртки повыше и продолжил путь к отделению.

Отгородившись от шума коридора дверью, Арбузов ещё раз похлопал себя по плечам, стряхивая остатки налетевшего снега.

— Привет, Вован, — шум печатной машинки стих.

Сидевший за столом Кириллов махнул сержанту рукой.

— Здорово, — протянул Арбузов, вешая промокшую куртку.

— Ну что. У меня две новости, и обе плохие. С какой начинать? — в голосе Кириллова смешались усталость и сарказм.

— С первой, — буркнул сержант, направляясь к своему столу.

— По всем нашим троим жмурам пришли токсикология и пальчики.

Арбузов с удивлением посмотрел на коллегу.

— Ну а что ты хочешь? Главк рывкнул — всё заработало. Это не то, что мы с тобой пороги неделями оббиваем. Большие дяди, — он указал пальцем вверх.

В проёме входной двери показался усатый дежурный:

— Мужики, там вас Хлопов через десять минут у себя ждёт. Полкан ещё этот приехал. Злющий, как чёрт.

— Спасибо, Добрынин. И тебя с наступающим! — расплылся в притворной улыбке Кирилл.

Дежурный усмехнулся и притворил за собой дверь. Гул и топот шагов стихли, оставив место лишь завываниям разыгравшейся за окном вьюги.

Арбузов щёлкнул кнопку на лампе. Над рабочим столом разлился приглушённый тёплый свет.

— И чего, как результаты?

— По нулям. В крови у парня вроде какие-то остаточные признаки алкоголя имеются. Но там такая доза, что после неё и в сугробе не уснёшь. У всех остальных чисто.

— Мда, — сержант почесал подбородок. — Попали мы. А вторая новость какая?

— Сегодня на вечер ничего не планируй. Мы в усиление идём.

— Куда?

— Вован, если ты забыл, но у нормальных людей праздник на носу. И даже это, — повернувшись к запорошенному снегом окну, Кирилл неопределённо махнул куда-то в сторону улицы, — им не мешает веселиться. Концерт сегодня. Ансамбль народного творчества поздравляет жителей и гостей района с Новым годом.

— Только не говори..

— Ага, угадал, выступление запланировано у ёлки. На улице.

— Да чтоб тебя, — выругался Арбузов.

— Вот-вот. Сегодня к вечеру как раз заморозки передавали до минус двадцати пяти. Так что будь готов — нам там к восьми надо быть.

— Не пугай ежа. Знаю: вторые штаны, горячие уши, холодное сердце. Полный комплект при мне, — Арбузов выдвинул верхний ящик стола, проверив, что запасные кальсоны на месте.

Кириллов усмехнулся и стал собирать разбросанные по столу бумаги.

Через восемь минут они стояли перед кабинетом майора Хлопова. Кириллов приложил ухо к дверям.

— Ну чего там? — шёпотом поинтересовался у него Арбузов.

Кирилл коротко кивнул проходившему мимо знакомому ППСнику и прижал палец к губам.

— Что, товарищи милиционеры, в разведработе практикуетесь? — раздалось сзади.

Они синхронно посмотрели на ухмыляющегося полковника. Коричневый пиджак он сегодня сменил на тёплый свитер. Из-под него выглядывал воротник белой рубашки.

— Заходите, давайте в кабинет. Начнём совещание.

Хлопов, заложив руки за спину, вышагивал вдоль стены. В пепельнице дымилась не до конца затушенная сигарета.

— Как понимаю, по итогам недели из всех достижений у нас три трупа? — он резко остановился и посмотрел на притихших у стола подчинённых.

Сергей Петрович в этот раз не стал садиться со всеми, а разместился отдельно на неведомо откуда взявшемся старом кресле и медленно перелистывал материалы пухлого дела.

— И мы не знаем ни как убили, ни кто. Отличный подарок под ёлочку, — продолжил Хлопов.

— Олег Иванович, собираем оперативную информацию, — начал было Кириллов.

— Гляньте на него, соберёт он. А я думал, сейчас ещё пару листов криминалисты зашлют и мы тут конкурс по вырезанию снежинок начнём, — бросил ему майор.

— Мы знаем, что как минимум две из трёх жертв вели себя странно, — пробормотал Арбузов и снова опустил голову, уставившись в стол.

— Что значит странно? — шорох переворачиваемых листов стих.

Сержант поднял глаза на полковника.

— Я говорил с однокурсником Эдика. Они до этой осени хорошо общались, можно сказать, дружили. Примерно с ноября у них вышел разлад.

Трофимов едва заметно подался вперёд.

— Он сказал, что тот изменился. Говорить о странных вещах стал. И он думает, что Эдик подкинул ему книгу по магии, из-за которой он с родителями поругался. У парня сильно верующая семья, — Владимир заметил, что полковник нахмурился.

— Протокол есть? — спросил Хлопов, усаживаясь на

стул.

— Нет, парень там скрытный. Вряд ли чего бы под бумагу сказал.

Майор забарабанил пальцами по столу.

— Получается, секта? — озвучил витавший в воздухе вопрос Кириллов.

Все промолчали. Из звуков в кабинете осталось лишь тиканье круглых часов, висевших у окна.

— Секта из сына дипломатов, мелкого уголовника и продавщицы ларька? — усомнился майор.

Кириллов поспешил улыбнуться, бросив короткий взгляд на Трофимова. Сергей Петрович сидел, полностью погружённый в свои мысли, и никак не отреагировал.

— Что вообще за книга? Кто её видел? — Олег Иванович, нахмурившись, посмотрел на сержанта.

Тот пожал плечами.

— Парень толком её рассмотреть не успел, отец забрал. И, как говорит, сжёг.

— Не выходит рабочая версия, — майор протянулся и достал из стакана ручку.

Взглянув на Кириллова и Арбузова, размашисто расписался на разложенных перед ним документах.

— Тут такое дело, последняя жертва — Шатун.. Его знакомые тоже вроде как про какую-то книгу говорили, — неуверенно пробормотал Владимир.

— Магическую? — в голосе майора звенел скепсис.

— Не знаю. Её вообще никто описать не смог.

Трофимов закрыл лежащую на его коленях папку с бумагами, страницы схлопнулись с глухим звуком.

— Выходит, что пока из общего у двух из трёх покойных — любовь к чтению. Вроде как мистических текстов.

— Ага, — невесело протянул Кириллов.

— Значит, товарищи, надо дальше искать совпадения, — полковник сунул материалы дела под мышку и резко встал. Кресло под ним отозвалось звуком распрямившихся крепёжных колец.

— Слышали Сергея Петровича? — не отрываясь от изучения бумаг, бросил майор. — Выполняй!

— Есть, — отозвались сержант с лейтенантом.

Рутина сожрала весь рабочий день. То и дело распахивающаяся дверь в кабинете не давала Арбузову сосредоточиться.

— Они там совсем осатанели: у одного ящик шампанского свистнули, у второй пакет с мандаринами из рук вырвали, когда из магазина шла, — бормотал Кириллов, выискивая что-то на своём рабочем столе.

— Все к празднику готовятся, как могут, — не отрываясь от вождения ручкой по листу, отозвался Владимир.

— Потом окажется, что половина сама же выпила, а тётка у соседки фрукты забыла. А мне закрывашку пиши, время теряй, — Кириллов один за другим с грохотом стал выдвигать ящики стола.

К монотонному гулу за дверью прибавился ещё грохот и скрип дерева.

— Да что ты там ищешь? — не вытерпел сержант.

— Кобуру мою не видел? Чёрная такая, вроде сюда складывал, — лейтенант скрылся под столом.

— Не-а. Не было кобуры.

Входная дверь с грохотом отлетела к стене:

— Кирюха, ты тут? — выкрикнул возникший словно из ниоткуда патрульный.

— Ага, — донеслось из-под стола.

— Пошли, поможешь, там одного буйного привезли. Надо его в камеру упихнуть. А он, зараза, упирается.

На рубашке вошедшего в районе локтя зияла дыра.

— А я-то тут при чём? — распрямился лейтенант.

— Кто у нас отдельные соревнования по карате осенью выиграл? Пошли, давай, там Саныч один его долго не удержит.

Патрульный развернулся на каблуках и скрылся в коридоре. Лейтенант тяжело вздохнул и стал выбираться из-за стола. Проходя мимо склонившегося под лампой Арбузова, бросил взгляд на исписанный лист.

— А чего это? — кивнул в сторону разрисованной кружками и стрелками бумаги.

— Я всё думаю по поводу сходства. О котором Трофимов говорил. Вот, — Арбузов развёл руки над схемой.

— И чего?

Из коридора слышались матерные вскрики.

— Пока на двоих только книга. В остальном глухо — ни общих мест, где бывали, ни пересекающихся знакомых.

Сержант вздохнул.

За стеной раздался грохот и какая-то возня.

— Первым делом самолёты, а потом твою шараду решим. Не кисни, Шерлок.. — не договорив, Кириллов выбежал из комнаты, прикрывая за собой дверь.

Ещё минут пятнадцать просидев над схемой, Арбузов глянул на часы и принялся доставать из ящика теплые вещи. Оглядев себя в небольшое круглое зеркальце у входа, он вышел, закрыв кабинет на ключ.

Мимо пробежали двое ППСников. Близость нового года сказывалась напрямую — обычно тихое в это время отделение наполнилось гулом голосов.

— Чего, тоже в усиление отправили? — раздалось из-за зарешёченного стекла дежурки.

— Ага, концерт в минус двадцать смотреть — то ещё удовольствие, — сказал Арбузов.

Дежурный хмыкнул, склонившись над разложенным перед ним журналом. Сержант двинулся к железным дверям.

— Вов, совсем забыл. Там этого твоего Червонцева наряд притащил, — раздался голос за спиной.

Арбузов спешно развернулся.

— Как? Чего раньше-то не сказал?

Дежурный лишь развёл рук

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.